

УДК 160.1+165

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

ЛОГИКА ИРРАЦИОНАЛЬНОГО: ОТ ПАРАДОКСА К РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается специфика категории «логика иррационального», подчеркивается ее парадоксальный характер и рассматриваются взгляды ряда ученых на данный феномен (в частности, К. Поппера, Н. Бердяева и ряда других). Подчеркивается убедительность аргументации Н. Бердяева в части приоритета «духовного опыта», «целостного опыта» в процессе познания, в том числе – интуитивного. Делается вывод о возможности существования логики иррационального на основании сложившихся «форм жизни» и соответствующих мыслительных практик.

Логика иррационального – как минимум парадоксальная констатация, парадоксальное словосочетание. Поскольку та «школьная» логика, с которой мы привыкли иметь дело, формулируется вне контекста иррационального мышления. Однако здесь есть видимое и явное решение этого парадокса. Суть его в том, что формулировка иррациональных предпочтений в большинстве случаев происходит рациональными средствами. Другими словами, связь категорий «логика» и «иррациональное» не обязательно антиномична, не обязательно представляет полярную пару категорий. Иррациональное осмысливается с помощью рациональных способов познания. Но это первое, поверхностное и далеко не единственное, соображение по этому поводу. Существуют и более серьезные аргументы.

Чтобы убедиться в этом, для начала обратимся к точке зрения Карла Поппера по данному вопросу. «Мой взгляд на этот вопрос, – пишет ученый, – сводится к следующему: не существует ни логического метода получения новых идей, ни логической реконструкции этого процесса. Я достаточно точно выражу свою точку зрения, сказав, что каждое открытие содержит “иррациональный элемент” или “творческую интуицию” в бергсоновском смысле» [1, с. 28]. Творческая интуиция – это и есть парафраз логики иррационального. И далее: «Рассматривая научное познание с психологической точки зрения, я склонен думать, что научное открытие невозможно без веры в идеи чисто спекулятивного, умозрительного типа, которые зачастую бывают весьма неопределенными, т.е. веры, совершенно неоправданной с точки зрения науки» [1, с. 35]. И в этом отношении являющейся «метафизической».

Обратим внимание, что эпистемология в данной интерпретации «обрастает» такими смысловыми конструкциями, в центре которых категории интуиции, веры, бессознательного, психологии. Логические же средства уходят на второй план, и говорить об их приоритете мы не можем в принципе. Более того, эпистемология должна рассматриваться вовсе не как процесс поиска истины, а как исследование научных проблем, сложных смысловых ситуаций, научных дискуссий, критических рассуждений и т.д. «Ученые действуют на основе догадок, или, если хотите, субъективного убеждения относительно того, что должно способствовать дальнейшему росту объективного знания» [2, с. 111]. Получается, что к тем категориям, которые мы выделили ранее (интуиция, бессознательное и т.д.), мы можем добавить субъективное убеждение, которое обладает эвристической ценностью именно в аспекте совершенствования наших знаний.

Если попробовать суммировать точку зрения К. Поппера на проблему «логика иррационального», то целесообразно зафиксировать следующие положения.

Первое: процесс познания не может быть «чисто» логическим. Но этой констатации недостаточно, поскольку процесс познания лишен своей логической (объективной) основы. А речь постоянно идет о важности, необходимости такой основы. Далеко не случайно мыслитель не оперирует понятием «истина», он подчеркивает важность непрекращающегося процесса дискуссии, критического осмысления достигнутого уровня знания, проблематичность движения мысли. Это означает, что с калькой силлогистики в ее формализованном («окончательном») виде подходить к пониманию эпистемологических процессов нельзя. «Окончательного» знания нельзя достичь в принципе, а любой правильно построенный (Аристотель) силлогизм претендует на истинность. К. Поппер парадоксально замечает: «Я большой поклонник здравого смысла и утверждаю, что он по существу самокритичен. Но хотя я готов до конца отстаивать существенную истинность реализма, основанного на здравом смысле, я в тоже время считаю основанную на здравом смысле теорию знания грубейшим субъективистским заблуждением» [2, с. 10]. Здравый смысл истинен и одновременно ложен – вот привычно-парадоксальный ход рассуждений К. Поппера.

Второе: особый протест вызывает индуктивное мышление, критике которого посвящено много страниц различных работ ученого. Однако критика индуктивизма также носит двойственный характер. С одной стороны, процессы логического вывода рассматриваются в аспекте их дополнения иррациональными мотивами. С другой же, иррационализм здесь должен быть объективирован, К. Поппер неоднократно подчеркивает, что «юмовский иррационализм должен быть преодолен». Но что такое «объективация иррационализма» как не все тот же поиск объективных, что значит рационализированных, оснований процесса познания? Правда, аргументы, примеры, приведенные мыслителем в тексте книги «Объективное знание», сложно назвать безукоризненными. Например, рассматривается тезис «все люди смертны». Этот тезис опровергнут тем открытием, полагает К. Поппер, что бактерии не умирают, поскольку размножение делением не есть смерть, более того, живая материя не всегда обречена на распад и смерть, хотя и кажется, что все формы жизни можно убить [2, с. 31]. Но опровергнут ли тем самым тезис о смертности людей? И как понять в этом контексте слово «кажется»? Но все равно объявляется априорно незыблемым тезис, согласно которому индукция на основе повторения – миф, пусть так, но что вместо этого мифа? Предполагается, что вместо этого ложного в своей основе подхода можно предложить теории, которые уже апробированы, «проверочные» теории. О них разговор ниже.

И третье: «человек – не только существо иррациональное, но и та его часть, которую мы считали рациональной – человеческое знание, включая практическое знание – полностью иррационально» [2, с. 93]. В итоге обратим внимание на «неоднородный» характер изложения: в основе познания здравый смысл, но «дополненный» субъективным убеждением; иррационален не только субъект познания, но и само знание; иррационализм должен быть преодолен, но аргументы в пользу этого преодоления не выглядят исчерпывающими. Как понять эти антиномии: как следствие приоритета процесса поиска новых решений или же имманентно присущий гносеологическому действию характер познания? Ответ К. Поппера вновь парадоксален: не надо полагаться вообще ни на какую теорию, ни на какое объяснение, поскольку ни одна теория не может претендовать на истинность. Рекомендация ученого носит здесь следующий характер: необходимо выбирать не «истинную» теорию (таковой не существует), а апробированную временем и профессиональным цехом теорию. Она не будет обладать признаком истинности, но она – предполагается – «обкатана» и принята на вооружение (если, конечно, таковое имеет место) профессиональным цехом и в связи с чем может претендовать на приращение знания и решение локальных и стратегических проблем. Таким образом, «логика иррационального» – это все же логика, однако ее возможности дезавуиро-

ваны потоком иррационального, понимаемого в самых различных смыслах. Говорить здесь о приоритетах какого бы то ни было рода нельзя, можно лишь утверждать состояние постоянной динамической борьбы различных теорий, концепций, методологий, причем это именно «поток», стихия, не входящая в строго очерченные берега, не обозначенная безукоризненным смысловым контуром.

Все сказанное между тем звучит абстрактно и может быть не принято именно в связи с противоречивостью основных постулатов. Поэтому обратимся к такому крупному мыслителю, как Н. Бердяев, который попытался обосновать практический характер интуитивного (иррационального) знания, особенно в ходе духовной практики конкретного человека. В книге «Самопознание» он отмечает, что «моя мысль интуитивна и синтетична» [3, с. 94]. Оставим в стороне признак синтетичности, обратимся к интуитивному характеру мышления. Сам мыслитель ход своей мысли поясняет следующим образом. Помимо всякой философии, всякой эпистемологии, поясняет он, «я всегда сознавал, что познаю не одним интеллектом, не разумом, подчиненным собственному закону, а совокупностью духовных сил, также своей волей к торжеству смысла, напряженной эмоциональностью, бесстрастие в познании, рекомендованное Спинозой, всегда казалось мне искусственной выдумкой» [3, с. 94]. Выразить бытие в понятиях достаточно сложно хотя бы потому, что рациональная онтология и гносеология уже есть продукт мысли. Рациональный мир с его законами, категориями, каузальностью есть мир вторичный, он продукт рационализации, он раскрывается рационализированному сознанию. Основная метафизическая идея мыслителя в этом ракурсе есть идея приоритета свободы над бытием. А вот формы выражения этой свободы могут быть самыми различными: от воли, эмоционального напряжения до привлечения духовных сил в целом.

Представляется, что основная мысль философа опровергнута быть не может в принципе, поскольку познает всегда субъект, и разделить процесс познания на некие абстрактные части, выстроить эти части в некую иерархию фактически, практически невозможно. Неслучайно достаточно часто звучит мысль о «целостности познания». «Чистая» рациональность в этом аспекте выглядит утопией, несмотря на всю привлекательность такого подхода. Источником познания выглядят не исключительно «серые клеточки» (вспомним Э. Пуаро А. Кристи), а страдание, радость, конфликты, все то, что Н. Бердяев называет «духовным опытом». И мы можем принять эту максиму, поскольку процесс познания действительно не однолинеен, не односторонен, не ограничивается сугубо рационалистическими формулами. Сколько мы знаем в истории науки открытий, непосредственным толчком для которых была недавно прослушанная музыка, увиденная картина, политический конфликт или мировоззренческая катастрофа. Причем следует подчеркнуть, что именно таким образом может быть постигнута и высшая тайна, тайна богопознания, поскольку рационализированное богопознание ложно, ненаучно. Но речь не только о столь высоких «этажах» познания. Тогда, когда речь идет об индивидуальном человеке, конкретном субъекте, здесь также предполагается тайна познания, поскольку в процесс познания включается и такая категория, как судьба. Судьба оправдывает жизненный выбор, судьба определяет пункты познавательного поиска, перечень эвристических задач, судьба консолидирует жизненный опыт и дает возможность для его реализации в процессе эпистемологического поиска.

Важно, что мыслитель привлекает наше внимание к эпистемологическому процессу в аспекте именно бессознательного. Духовный опыт нельзя «уместить» в сугубо рациональный каркас. Куда девать сны, давящие человека, как избавиться от тоски, депрессии и иных проявлений человеческого духа? Скажут: какая же связь здесь с логикой, с эпистемологией? Н. Бердяев, очевидно, ответил бы, что разделить эти понятия нельзя в принципе. Он говорил так: в процессе познания «я чувствовал погруженность в бессознательное лоно, в нижнюю бездну, но еще более чувствовал притяжение верх-

ней бездны трансцендентного» [3, с. 54]. И нет никакой необходимости думать, что подобное погружение в «трансцендентную бездну» формирует непреодолимую преграду между мыслящим субъектом и его читателями, критиками. Сам по себе дискурс необходим не тому, кто познает, – дискурс необходим тем, кто работает в этом же направлении. Как отмечает Н. Бердяев, например, Спиноза, его познание интуитивно, как интуитивно познание любого философа. Дискурсивная же природа мысли носит социологический характер, она призвана ответить на запросы других, убедить их в той или иной точке зрения, хотя, конечно, здесь многое зависит от самого автора, его умения донести свою мысль, в какой бы форме она не была выражена.

Заметим, что основная идея эпистемологического характера, о которой говорит Н. Бердяев (целостное познание, познание в ходе «духовного опыта») – распространенная точка зрения в русской мысли, часто не удовлетворенной «чистой метафизикой». Достаточно в этой связи вспомнить широко известную концепцию «цельного знания» В. Соловьева или интуитивистские размышления Н. Лосского. Приведем лишь одну, но важную цитату из работы Н.О. Лосского «Воспоминания. Жизнь и философский путь». Рассуждая о характере познающего сознания субъекта, он отмечал, что это противоречивый, сложный акт. С одной стороны, нельзя не разграничить субъективную и объективную сторону в познании. Но, с другой стороны, он указывал на то, что в гносеологическом процессе особую важность приобретает «живой опыт действительности», который связан с личностью познающего субъекта, его психическими переживаниями. В частности, «предмет, данный в сознании, может принадлежать к любой области бытия: он может быть моим психическим состоянием, но может быть и чужим психическим проявлением или даже материальным процессом внешнего мира, он может быть временным процессом из области не только настоящего, но также прошлого или будущего, наконец, он может быть вовсе не временною отвлеченной идеей в платоновском смысле, или даже сверхвременным существом, каковым и оказывается человеческое “я” при точном наблюдении его» [4, с. 135–136]. Н. Лосский часто говорил об «интимной связи» всех частей мира друг с другом. Утверждая приверженность к персоналистским идеям, ученый признавал, что «основное бытие», которое характеризует мир, есть действительные и потенциальные личности, т.е. индивидуальные существа. Что же касается логики, то содержание общих понятий и суждений есть бытие идеальное, т.е. это вневременный и внепространственный онтологический аспект мира. Возможно, возникнет вопрос, каким образом данные идеи связаны с основной темой исследования? Эта связь очевидна, ее суть можно охарактеризовать в двух смысловых плоскостях. Первое – это то, что перед нами тайна, загадка познания, которая не может быть осмыслена «одномерно», т.е. в ясных и понятных логических категориях. Даже тогда, когда речь идет о логике, ее интерпретация связана не только с привычными силлогистическими упражнениями, но и иным пониманием собственно логики, ее роли (как у Н. Лосского: «логика – онтологический аспект мира»!). Второе – противоречие, диалектика как главный «нерв» понимания сущности познания, как рационального, так и иррационального. Причем схема приоритетов в этой дихотомии лишь угадывается, но не квалифицируется однозначно. Т.е. на первый план может выйти как одна сущность, так и вторая, третья. Здесь уместно вспомнить, как Г. Лейбниц рассказывал о своих прогулках и размышлениях о том, что выбрать (односторонне): идеи Демокрита или Аристотеля? После длительных раздумий он ушел от односторонности и избрал, как пишет Н. Лосский, «синтез механистического и телеологически-спиритуалистического миропонимания». В каком-то смысле эта и иные попытки разного рода «синтезов» напоминают нам современные методологические поиски, связанные с новой попыткой выстроить «новое единство» теоретического знания, новый синкретизм, новую интегративность. Достаточно в этой связи напомнить феноменолого-коммуникативную теорию в праве А.В. По-

лякова, в рамках которой предпринята попытка объединить все значимые достижения теоретической мысли в новую единую концепцию. Но это тема отдельного разговора.

Попробуем обосновать «логику иррационального», используя как высказанные выше идеи, так и новации теоретического характера, которые носят междисциплинарный характер. На что хотелось бы обратить внимание сразу, так это на тесную взаимосвязь рационального и иррационального факторов в познании. Эту связь хорошо выразил А. Тойнби, размышляя над своей революционной идеей об одновременности всех цивилизаций. Здесь что важно: историк – представитель классической школы, основанной на классических образцах знания, классической (рационалистической) теории познания, использующий привычные рационалистические аргументы. И вместе с тем он не чужд интуитивистских пророчеств, используя вовсе не рационалистические методы познания. В частности, в работе «Цивилизация перед судом истории» он описывает, как гулял «где-то в Суффолке» по берегу моря и размышлял о трудах Фукидида. Далее послушаем самого А. Тойнби: «И внезапно на меня нашло озарение. Тот опыт, те переживания, которые мы переживаем в наше время и в нашем мире, уже были пережиты Фукидидом в то время». Наши современные переживания уже были пережиты Фукидидом, он сам и его поколение по историческому опыту стояли на более высокой ступени, нежели сам Тойнби и его поколение. В итоге получается, что «его настоящее соответствовало моему будущему». Получается и иное: мир Тойнби и мир Фукидида – современники, в итоге рождается мысль о философской одновременности всех цивилизаций [5, с. 23]. Обратим здесь внимание именно на эвристический аспект. С точки зрения строгой формальной логики говорить о мире Фукидида и мире Тойнби как «современных» можно лишь в аспектах метафорическом, философском, но никак не конкретно-историческом, прикладном. И как понять термин «озарение»? Конечно, говорить здесь о традиционной, формальной логике можно лишь в определенных пределах, а вот на первое место выдвигается именно процесс «озарения».

«Логика иррационального» может обосновываться и в концептуальных трудах юристов, правда, там чаще встречается термин «интуитивное», нежели «бессознательное», «иррациональное». О различии этих понятий чуть ниже, а пока отметим факт применения интуитивного инструментария в работах известного концептуалиста А.В. Полякова. Об этом сказано в специальной монографии [6, с. 20–21], здесь же отметим лишь несколько важных деталей. Первая деталь связана с балансированием в теории познания между рациональным и иррациональным факторами. В работах сторонников феноменолого-коммуникативной теории подчеркивается рациональный характер размышлений (в частности, феноменологических), а с другой стороны, грань между этими явлениями – рациональными и иррациональными – достаточно зыбка. Это тема специального разговора, отметим лишь еще, что применение того же интуитивного метода в практике работы юристов обнаружить достаточно затруднительно, говоря проще, такое применение не наблюдается вовсе. Впрочем, это общий недостаток постнеклассического знания, в котором многие революционные и обоснованные идеи пока не обнаруживают практической составляющей.

Здесь, на наш взгляд, необходима ремарка по поводу ряда категорий, которыми оперируют современные ученые, в частности, речь идет об «интуиции» и «иррациональном». Опять же, этот вопрос представляется важным для специального исследования, здесь же заметим, что категория «иррациональное» – более общего характера, нежели «интуитивное». Интуитивное выглядит как частный случай иррационального. Поэтому достаточно часто исследователи оперируют этими терминами как синонимами. Признаем, что достаточно часто определение (описание?) данных дефиниций носит метафорический характер. Вот как, например, известный юрист, философ В.А. Бачинин определяет понятие «интуиция»: это «способность человека к внерациональному по-

стижению своих связей за пределами, трансцендентными первоначалами сущего и должного», это «врата, через которые в мыслящее человечество wpłyває метафизическая реальность» [6, с. 131] и т.д. Согласимся, что здесь возможности формальной логики вряд ли могут быть востребованы. Собственно, сами сторонники такого подхода полагают, что «логические доказательства существования сверхфизических реалий излишни и бесполезны» [6, с. 131]. Но тогда закономерен такой вопрос: на каком основании можно вообще ставить вопрос о «логике иррационального»? На наш взгляд, такая возможность существует, поскольку: 1) иррациональное творчество основывается на тех формах познания, которые созданы в века рационализма, и сам А. Бергсон, «отец» интуитивизма, полагал, что интуиция есть продукт «жизненных форм»; 2) иррациональный компонент познания «встроен» главным образом в религиозную, мифологическую практику, и известны попытки «рационализировать» «сверхкаузальный мир» (имена известны – от Фомы Аквинского до П. Флоренского и В. Соловьева, обращавшихся и к мистике для выражения характера «первоценностей» и «первопричин»; 3) квалификация собственно логики может быть различной, известны протестные настроения в адрес логики «школьной», «силлогистической», «индуктивной» и т.д. Логика может пониматься как активное использование возможностей сверхсознания и подсознания. Если язык разума денотативен, т.е. стремится обнажать скрытые смыслы, то язык иррационального коннотативен, т.е. предполагает присутствие в текстах смысловых подтекстов, которые нельзя выразить в формальнологической форме. Конечно же данные констатации носят дискуссионный характер и могут быть рассмотрены в системе иных смысловых, методологических, логических координат.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер. – М. : Республика, 2004. – 447 с.
2. Поппер, К. Объективное знание / К. Поппер. – М. : УРСС, 2002. – 384 с.
3. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
4. Лосский, Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский. – М. : Викмо-М : Русский путь, 2008. – 399 с.
5. Лепешко, А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства / А. Б. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2016. – 186 с.
6. Бачинин, В. А. Малая христианская энциклопедия : в 4 т. / В. А. Бачинин. – М. : Шандал, 2003–2007. – Т. 1 : Религиозная философия. – 2003. – 360 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.12.2017

Lepeshko B.M. The Logic of the Irrational: from Paradox to Reality

The specificity and paradoxical nature of the category «irrational logic» is described in the article, the opinions of the scientists on this phenomenon (K. Popper, N. Berdyayev and others in particular) are considered. The persuasiveness of N. Berdyayev's argument in the field of the priority of «spiritual experience» and «integral experience» in the process of cognition (including intuition) are emphasized. The conclusion on the possibility of the existence of irrational logic on the basis of the established «forms of life» and the corresponding cognitive practices was made.